

Ци Бай шёл по тенистой аллеочке вниз, и хотя впереди, кажется, виднелись искусственные горки и журчащая вода, эта рощица казалась бесконечной. Ци Бай потёр поясницу, заглянул вперёд — идти уже не было сил, заглянул назад — возвращаться тоже не хотелось. Сесть прямо посреди дорожки означало слишком сильно испорнить свой образ, и Ци Бай решил просто свернуть в рощу.

Плутая среди деревьев с пару минут, он нашёл чистое местечко, плюхнулся на землю и прислонился спиной к стволу, чтобы отдохнуть.

Вернёмся к старейшине Циню. Он шёл следом за Ци Баем всю дорогу и уже спустя какое-то время заметил охранников, которые тоже преследовали парня. Сам-то он, хоть и простоват, но всё же старейшина, и боевые искусства у него неплохие. К тому же он изначально проявлял бдительность, выслеживая человека. Заметив несколько стражников, которые тоже следили за Ци Баем, старейшина Цинь сперва подумал, что они заодно с этим малым, и чуть было не бросился в бой.

Но разглядев на их одеждах тёмно-красные узоры, он понял, что это Тайные стражи самого Главы Культа, и невольно обрадовался. На душе у него сразу полегчало. Старейшина подумал: оказывается, Глава лишь выказывает ему фаворитизм на людях, а за спиной тайком стережёт, поджидая, пока этот негодяй покажет своё истинное лицо; поистине, Глава мудр! Стоит признать, это поистине прекрасное недоразумение.

Заметив вскоре, что Ци Бай петляет по лесу и наконец усаживается ждать в каком-то месте, старейшина Цинь усмехнулся про себя стражникам: давай-ка посидим здесь и подождём у моря погоды, этому негодю недолго осталось торжествовать. От его улыбки стражники лишь растерялись.

Под кронами деревьев веял прохладный ветерок, сопровождаемый шуршанием листвы, свойственным только этой роще, и Ци Бай, прикрыв глаза, вскоре заснул...

Старейшина Цинь прождал добрую половину дня, но никто так и не появился. Видя, что уже клонится к вечеру, он начал в нетерпении скрести голову, как вдруг услышал тихие шаги и невольно встрепенулся. Выглянув из-за дерева, он увидел женщину в нежно-желтом платье, которая покачивала бедрами, приближаясь походкой служанки.

Старейшина Цинь остолбенел: да это же служанка того негодяя Ян Ляньтин...

Стоявшие рядом стражники тоже немного напряглись. Они служили Дунфан Бубаю долгие годы и прекрасно понимали, насколько тот дорожит Ци Баем. И хотя им велели лишь приглядывать, если вдруг что-то случится, им всем не миновать гнева Главы.

Женщина шла, озираясь по сторонам, и остановилась примерно в тридцати-сорока метрах от Ци Бая. Сам Ци Бай сидел лицом к задней горе, прислонившись спиной к дереву, а женщина оказалась ровно с другой стороны ствола, так что они никак не могли друг друга увидеть.

Старейшина Цинь немного занервничал. Посмотрев на притаившихся на соседнем дереве стражников, он подумал: а не схватить ли обоих прямо сейчас да не отправить ли в Уголовный зал, где они живо во всём признаются? У стражников тоже сердце замерло в груди: они думали, что этот старейшина совсем с дуба рухнул, еще вздумает сдуру сигануть вниз, и тогда мало того, что толком ничего не выяснят, так еще и такой скандал разгорится, что Глава еще неизвестно как их накажет. Поэтому они замахали руками на старейшину Циня, призывая его ни в коем случае не совершать опрометчивых поступков.

Однако вскоре слышались новые шаги. На этот раз шаги были совсем легкими, и если не прислушиваться, их вовсе нельзя было разобрать — явно шёл кто-то, владеющий боевыми искусствами. Старейшина Цинь и остальные затаили дыхание и уставились туда: какой-то человек среднего роста, плотного телосложения, одетый в тёмно-желтый халат, словно не касаясь земли, подбежал ближе.

Старейшина Цинь пригляделся и опешил: на этот раз явился не кто иной, как старейшина Гэ.

Старейшина Гэ явно очень торопился, иначе с его мастерством, пусть он и не заметил бы старейшину Циня со стражниками, обнаружить Ци Бая для него не составило бы труда.

Женщина, очевидно, поджидала именно старейшину Гэ. Виляя бдрами, она бросилась ему навстречу, а старейшина Гэ протянул руку и цапнул ее за ягодицу так, что старейшина Цинь едва не свалился с дерева.

— Ишь какой нетерпеливый, — с кокетливым упрёком произнесла женщина.

Старейшина Гэ одной рукой продолжал сжимать её ягодицу, а другую запустил ей спереди под одежду, припав губами к её шее, и пробормотал:

— Разве тут удержишь? В прошлый раз меня чуть не поймал тот самый по фамилии Ян, я столько дней носа со скалы не казал, боясь, как бы он чего не заподозрил и не стал тебе докучать, я ведь совсем извелся.

Женщина стрельнула глазками, словно тронутая его словами, обвила руками его шею и проворковала:

— А у тебя, оказывается, есть совесть...

Старейшина Гэ вспыхнул от такого соблазна, принялся срывать с женщины одежду, и спустя мгновение вокруг зазвучали страстные стоны...

Ци Бай видел сон: будто он свидание с прекрасной красавицей, они поужинали, сходили в кино, а в конце сняли номер в отеле. Выйдя из душа, он увидел, что огромная двуспальная кровать посреди комнаты бугрится. Улыбаясь, он подошёл сорвать одеяло, а оттуда выскочила госпожа доминатрикс в кожаном костюме, на высоких каблуках и с хлыстом в руке, которая с размаху уселась на него. Хлыст защёлкал со звуком хлестких ударов, а она требовала: сильнее,

еще сильнее, а чуть замедлится — охаживала его хлыстом... Он со слезами кричал, что больше не будет, но тут она наклонилась к нему и зловеще прошептала: думаешь, тебе удастся уйти... И лицо у неё было точь-в-точь как у Дунфан Бубая...

Ци Бай вздрогнул и проснулся. Позади него кто-то тяжело и шумно хрипел, а сладенький голосок приговаривал: быстрее... ах... помедленнее... Он посидел пару секунд в растерянности, заглянул из-за ствола и увидел белеющий клубок плоти, переплетённый с чернеющим, которые катались по земле туди-сюда... Ци Бай мысленно цыкнул языком: вот уж народ в мире уся — ни капли стеснения, как жарко зажигают.

Правда, поглазев немного, он потерял интерес: женщина-то оказалась красоткой, но вот мужик слишком уродлив, от долгого созерцания даже подташнивать начинало. Ци Бай погладил живот — есть хотелось страшно, но уходить он не смел. Эта парочка за его спиной выглядела точь-в-точь как любовники на тайном свидании, а что если они заметят его и придут в ярость? У него же ни капли боевых искусств нет, руки-ноги ватные, попадись он им на глаза — даже мизинцем не пошевелят, как прикончат. В конце концов, раз не смотришь, можно просто слушать как радиоспектакль. Прислонившись к дереву, Ци Бай прислушивался и подспудно воображал на месте этой парочки героев из просмотренных в прошлой жизни порнофильмов...

Слушая, как за спиной становится всё жарче, Ци Бай с неудовольствием одёрнул подол халата и пересел по-турецки... Как раз когда он слишком глубоко ушёл в свои мысли, в нём проснулось то самое чувство...

Тут-то Ци Бай и смутился, как вдруг сзади раздался сухой треск, затем глухой стук, следом — женский визг, а после рявкнул грубый мужской голос:

— Старина Гэ, как ты мог совершить столь безрассудный поступок! К тому же, разве мало женщин на свете, почему ты повадился таскаться именно с человеком этого негодяя Ян Ляньтина?!

Ци Бай испуганно вздрогнул и вжался в дерево больше чем наполовину. Поправив одежду, он осторожно выглянул из-за ствола: мощный мужчина среднего возраста тыкал пальцем в лежавших вповалку мужчину и женщину и аж подпрыгивал от злости. Зрелище было такое, что Ци Бай чуть не прыснул со смеху, думая про себя: до чего же вредный тип, не мог подождать, пока люди в кураж войдут, а если у мужика теперь потенция пропадет — что делать?

Он и не подозревал, что старейшина Цинь сейчас тоже места себе не находил от досады. Каким бы простоватым он ни был, но даже он понимал, что сейчас не время для ссор. Однако смотреть во все глаза, как его собственный побратим кувыркается в кустах, пока они со стражниками сидят на дереве — ну как ни посмотри, картина выходила дурацкая. К тому же этот малец Ци Бай подслушивал их прямо под боком, выходило, что они сами себя на посмеище выставили перед неприятелем. Теперь он считал Ци Бая врагом, уступающим разве что Ян Ляньтину...

В сердцах он так сильно дёрнул за ветку, за которую держался, что в самый ответственный

момент сук обломился, и он, потеряв равновесие, рухнул с дерева. Старейшина Цинь мгновенно испытал сильнейшие угрызения: если он сейчас просто убежит, то будет выглядеть слишком виноватым, разве это не закрепит за ним славу вуайериста? И тогда, задрав нос, он указал на обезумевших от страха мужчину и женщину, выпалил скороговоркой накопившиеся упреки, в завершение взмахнул рукавом и уже собрался было сделать ноги, как вдруг передумал. Шаг замер, он обошел дерево, за которым прятался Ци Бай, и вытащил того за шкуру на свет божий... Логика его была проста: раз он сам уже опозорился, нет причин оставлять в выигрыше Ци Бая, который прослушал всё от начала и до конца.

А старейшина Гэ тем временем только пришёл в себя и, обнаружив, что за деревом кто-то притаился да еще и сам Ци Бай, вытаращил глаза и снова отупел.

Старейшина Цинь, удерживая Ци Бая, почувствовал, как в нём снова закипает ярость. Подумать только, если бы этот малец не околачивался здесь с дурными намерениями, разве он сам попал бы в такое неловкое положение? Теперь он вряд ли сможет остаться другом со старейшиной Гэ, пожалуй, врагами станут. Размышляя об этом, он ткнул пальцем в Ци Бая и принялся ругаться:

— А ты, негодник, мало того что подслушивал чужие дела, ты просто... просто попираешь все приличия!

У Ци Бая дёрнулся уголок глаза, и он подумал: у тебя ещё хватает совести меня укорять, я ведь вовсе не подглядывал специально, да и поступил ты куда подлее меня. Но сопоставив их комплекцию, он понял, что сила на чужой стороне, и оставалось лишь робко оправдываться:

— Ты ведь и сам слушал с большим интересом...

Старейшина Цинь подавился от такого ответа, вытянул шею и гарнул:

— Я человек цзянху, чужд всяких книжных сентиментальностей и церемоний!

Наконец, злобно сверкнув глазами, он пригрозил:

— Если я еще хоть раз замечу, что ты строишь козни, попадись мне — голову оторву!

С этими словами он взмахнул рукавом и удалился...

Ци Бай подумал: да я всего лишь вздремнуть хотел, кому и чем насолил-то? Оглянувшись, он бросил взгляд на остолбеневшую парочку. Сердце тревожно ёкнуло, и он, хлопнув себя по заднице, поспешно бросился бечь, пока те двое не опомнились.

Дыша на бегу, Ци Бай добежал до собственного двора и лишь тогда успокоился. Иллюй, заметив, что он весь в поту, тут же распорядилась, чтобы на кухне приготовили горячую воду. Когда Ци Бай вышел после купания, стол уже ломился от яств, но стул стоял всего один.

Ци Бай сел, отправил в рот кусочек еды и небрежно поинтересовался:

— Глава больше не придёт?

Илюй стояла рядом, помогая ему положить в тарелку то, до чего было трудно дотянуться палочками, и ответила:

— Сестра Ци Хун передавала сегодня утром, что Глава ушёл в тренировочный зал и неизвестно, когда появится. Она еще велела передать, чтобы молодой господин, если у него возникнут какие-то дела или что-то понадобится, смело поручал это мне или сестре Ци Хун.

Ци Бай вдруг почувствовал неприятный укол в сердце: подумать только, ещё вчера они делили одно ложе, а теперь передают вести через третьих лиц — настоящее безумие. Не находя себе места от досады, он вспомнил слова старейшины Мо...

Он молча похлебал рис, а затем, словно внезапно о чём-то вспомнив, поднял голову и произвел:

— Верно, а почему управляющий Ян, который еще несколько дней назад так меня ненавидел, что я даже опасался его козней, сейчас нигде не виден?

Илюй улыбнулась:

— Управляющего Яна Глава отправил за пределы обители, кажется, по какому-то служебному делу.

И, утешая, добавила:

— Молодой господин, не переживайте. Глава так к вам добр, он не позволит управляющему Яну вас обижать.

— Угу, — неопределённо буркнул Ци Бай, внезапно ощутив, как во рту у него всё пересохло, а рис застрял в горле, царапая его при каждом глотке.

Он уставился на изящную фарфоровую чашку в своей руке, и на душе вдруг скреблось смутно знакомое чувство. Точь-в-точь такое же он испытывал, когда только перенёсся сюда, или в ту ночь, когда Дунфан Бубай утыкал его иглами, и он лежал на постели, умирая от боли и не зная, куда деться. Словно внутри образовалась пустота, смешанная с растерянностью и тревогой... Ци Бай думал: теперь-то они с Дунфан Бубаем и постель разделили, но в глазах Дунфан Бубая есть ли вообще хоть какая-то разница между ним и Ян Ляньтином? Кем же в конце концов... он приходится Дунфан Бубаю?

<http://bllate.org/book/24644/2898821>